

ΟΤΔΕΛΤΉ ΙΙΙ.

Προσθήκη εἰς τὰ περὶ τοῦ μελωδοῦ Ἀναστασίου. — Ὁ καρδ. Pitra, ἐκδοὺς τὴν «ἐξομολόγησιν» τοῦ Ἀναστασίου καὶ τὸ «εἰς κοίμησιν» κονδάκιον αὐτοῦ (Juris eccles. Graecorum historia et monumenta, τ. 2, σ. 281—287. Analecta sacra Spicilegio Solesmense parata, τ. 1, σ. 242—249), ἀπέδωκεν ὕστερον εἰς τὸν αὐτὸν Ἀναστάσιον καὶ λείψανα ἐτέρων τινῶν κονδακίων, ἔτι δὲ κονδάκιον εἰς τὸν ἅγιον Εὐπλον (Analecta sacra 1, σ. 462—472, 499—501, 590—592). Ὁ Pitra εὔρε τὸν Ἀναστάσιον καὶ ποιητὴν κανόνων, οἵτινες ἄχρι τοῦδε μένουσι τύποις ἀνέκδοτοι, οἷον εἰς τὴν Κυριακὴν τοῦ Τελώνου, εἰς τὴν δ' Κυριακὴν τῶν Νηστειῶν καὶ εἰς τὰ Βαΐα (Analecta 1, σ. XXXIII).

Ἄ. Π.-Κεραμεύς.

Сообщенія на XI археологическомъ сѣздѣ въ Кіевѣ ¹⁾. На XI археологическомъ сѣздѣ въ Кіевѣ, состоявшемся 1—20 августа 1899 г., были сдѣланы слѣдующія сообщенія, которыя представляютъ непосредственный интересъ для византологіи.

1. Б. В. Фармаковскій. «Послѣднія научныя предпріятія Русскаго Археологическаго Института въ Константинополѣ».

Указавъ на важное значеніе изслѣдованія нѣкогда бывшихъ византійскихъ областей и въ частности изслѣдованія древностей христіанскихъ, въ нихъ находимыхъ, докладчикъ остановился на послѣднихъ предпріятіяхъ Института въ области изученія христіанскихъ древностей, на которыя Институтъ обращаетъ особенное вниманіе. Институтъ приступилъ въ настоящемъ году къ всестороннему изученію мечети Кахріэ-джами въ Константинополѣ (бывшаго нѣкогда византійскаго монастыря «Хора»), ея мозаикъ и фресокъ. Мозаики воспроизводятся художникомъ Н. К. Клуге въ краскахъ и фотографируются. Весь этотъ матеріалъ предполагается

1) См. Извѣстія XI археологическаго сѣзда въ Кіевѣ 1—20 августа 1899 г. Кіевъ. 1899 г.

выпустить отдѣльнымъ большимъ изданіемъ. Докладчикъ предложилъ вниманію слушателей одинъ готовый въ настоящее время рисунокъ въ одной изъ мозаикъ и ея фотографію (фигура св. Анны изъ композиціи XI в. во второмъ нартексѣ). Вторымъ предпріятіемъ Института являются работы въ Мадебѣ, въ Палестинѣ. Докладчикъ предложилъ на разсмотрѣніе планы, рисунки и фотографіи находящихся въ Мадебѣ древностей, исполненныя по порученію Института Н. К. Клуге. Указавъ вкратцѣ на значеніе ихъ и на ихъ эпоху (IV—IX в. по Р. Хр.), докладчикъ далъ краткое описаніе Мадебы, ея базиликъ и мозаикъ, въ нихъ найденныхъ. Наконецъ, Институтъ продолжаетъ обрабатывать добытый имъ раньше научный матеріалъ и готовится къ изданію въ своихъ «Извѣстіяхъ» памятники древности, собранные въ его музеѣ, однимъ изъ наиболѣ выдающихся среди которыхъ является византійскій пергаментный свитокъ съ миниатюрами XII вѣка.

2. Д-ръ К. Кадлецъ. «О необходимости изданія въ Россіи извѣстій о славянахъ у византійскихъ писателей».

Докладчикъ отмѣтилъ успѣхи въ изученіи славянскаго права въ Россіи, но всетаки нашелъ недостаточнымъ по отсутствію организаціи работы, свода матеріаловъ и пр. Особенно мало изслѣдованъ древнѣйшій бытъ славянъ, свѣдѣнія о которыхъ разбросаны по разнымъ сборникамъ и не переведены на русскій языкъ. Существующія изданія византійскихъ источниковъ (Стриттера) не удовлетворительны по расположенію матеріала, недостаточной точности передачи и пр. Желательно, чтобы изданіемъ византійскихъ памятниковъ и переводомъ ихъ на русскій языкъ завѣдывала Академія Наукъ.

3. Проф. В. И. Златарскій. «Гдѣ нужно искать первую болгарскую столицу».

Обыкновенно первой болгарской столицей считаютъ Преславъ (у византійцевъ ἡ μεγάλη Πρεσλάβα), который находился въ 20 километрахъ къ югу-западу отъ города Шумлы. Этотъ городъ, по описанію Іоанна Экзарха, отличался своей красотой и богатствомъ, но, къ сожалѣнію, отъ него теперь ничего не осталось надъ землею, кромѣ трехъ кусковъ отъ стѣнъ, такъ «называемаго» внутренняго города т. е. кремля. Несмотря на это, исходя изъ той мысли, что подъ землею что-нибудь да сохранилось, референтъ произвелъ тамъ пробныя раскопки, въ 1897 году, съ цѣлью констатировать, что осталось отъ древняго Преслава, и стоитъ-ли предпринимать систематическія раскопки. Результаты этихъ изслѣдованій привели проф. В. И. Златарскаго къ заключенію, что на мѣстѣ стараго Преслава въ настоящее время можно различить два слоя, отдѣляемыхъ цѣлымъ рядомъ столѣтій: еракійскій и болгарскій, или лучше Преславскій. По историческимъ даннымъ, а также и по археологическимъ остаткамъ древняго Преслава, референтъ доказываетъ, что Преславъ сталъ болгарской столицей только со времени князя Бориса или же во всякомъ случаѣ не раньше крещенія болгаръ, резиденцію же первыхъ

болгарскихъ князей до князя Бориса проф. В. И. Златарскій видитъ въ четырехугольномъ валѣ, который находится въ 5 километрахъ разстоянія на сѣверо-западъ отъ города Новый Базаръ (Шуменскій округъ) при селѣ Абоба. Въ этомъ четырехугольномъ валѣ различаются на поверхности земли три группы разрушенныхъ строеній, которыя носятъ у мѣстнаго турецкаго населенія названіе «Гисаръ-Ери» т. е. мѣста крѣпости, «Сарай-Ери» — мѣсто дворца, и «Килисе-Ери» — мѣсто церкви. По рассказамъ мѣстныхъ жителей, эти мѣста служили долгое время туркамъ карьерами по доставкѣ хорошо обтесаннаго готоваго камня для постройки частныхъ и общественныхъ зданій. И теперь эти камни, испещренные особыми знаками, можно видѣть въ оградѣ мечети въ Новомъ Базарѣ.

Преславъ сталъ болгарской столицей въ концѣ второй половины IX в. — фактъ, который несомнѣнно находится въ тѣсной связи съ перемѣной религіи, на что ясно указываетъ событіе, послѣдовавшее въ Болгаріи тотчасъ послѣ крещенія — возстаніе болгаръ. Князь Борисъ, быть можетъ, принужденъ былъ перенести свою столицу изъ стараго Аѡлѣ на мѣсто позднѣйшаго Преслава для того, чтобы уничтожить всякія воспоминанія о старой религіи и этимъ успокоить государство.

4. Проф. М. И. Сперанскій. «Славяно-русскіе переводы Пчелы».

Указавши на состояніе вопроса объ исторіи переводныхъ Пчелъ въ славяно-русской письменности, охарактеризовавши кратко изданіе Пчелы, сдѣланное В. А. Семеновымъ, докладчикъ пришелъ къ выводу о необходимости изучать вопросъ по греческимъ и славянскимъ рукописямъ. Результаты этого изученія слѣдующіе: греческіе тексты распадаются на три группы: старшую, среднюю, представляющую распространеніе старшей путемъ введенія въ составъ памятника новыхъ источниковъ, которыхъ можно назвать: Плутарха, Діона, Хрисостома и патр. Фотія, — и позднюю, представляющую извлеченіе изъ второй группы. Къ одной изъ разновидностей этой группы, представляемой Парижской рукописью № 1169 и Флорентійской (Laur. V), относится оригиналь русской Пчелы. Этотъ переводъ сдѣланъ прямо на русскій языкъ въ XIII—XIV ст. Второй переводъ — болгарскій, извѣстенъ по рукописи Парижской національной бібліотеки (№ 26) и рукописи мон. Кружда (Срѣла), восходитъ къ одной изъ версій старшей греческой редакціи, ничего общаго съ русскимъ переводомъ не имѣетъ и относится къ XIV в. Наконецъ, третій переводъ Пчелы — юго-западно-русскій, сдѣланъ въ мон. Дермани, въ 1599 г., съ печатнаго изданія Гесснера (1516) и стоитъ въ связи съ Острожскимъ изданіемъ бібліи.

5. Проф. В. И. Ламанскій представилъ «Замѣтку объ Ясахъ Аланъ». Это несомнѣнно русская форма слова Асы имени Аланъ. Въ нынѣшней южной Россіи, гораздо ранѣе VI в. до Р. Хр., жили и господствовали скиѡы; во II в. до Р. Хр. ихъ смѣнили соплеменные имъ сарматы. Значительная часть скиѡвъ несомнѣнно слилась съ соплеменными

имъ сарматами, которые собственно утвердили вмѣсто скиѣской свою династію. Во II в. нашей эры падаетъ господство сарматовъ. При господствѣ готовъ, народности скиѣскія и сарматскія продолжали жить въ южныхъ нашихъ степяхъ, хотя и утратили свою силу и значеніе своихъ царей. Съ постепеннымъ появленіемъ съ IV в. въ этихъ краяхъ тюрковъ — въ лицѣ гунновъ, болгаръ, аваръ, хозаръ, печенѣговъ, половцевъ — точно также не исчезали остатки скиѣовъ и сарматовъ. Всѣ они мало по малу слились въ одну народность — Аланскую, которая и по выдѣленіи изъ себя не слабыхъ массъ, удалившихся далеко на западъ съ готами (въ Галлію, Испанію), вѣроятно также, хотя и не въ такомъ же числѣ, соединилась съ группами Аттилы и съ аварами. Во всякомъ случаѣ, въ XI—XIV в., и въ Половецкое господство, и по покореніи прежнихъ Половецкихъ степей татарами, исторія находитъ алановъ, асовъ или по русски ясовъ, въ южной Россіи и потомъ вмѣстѣ съ половцами въ Молдавіи и далѣе на западъ въ Венгріи.

6. Докладъ П. А. Лаврова. «Славянскій переводъ Зонары и его отношеніе къ передѣлкѣ Хиландарскаго инока Григорія».

Упомянувъ объ интересѣ къ славянскому переводу Зонары въ славянской филологіи (труды Бодянскаго, А. Н. Попова, И. В. Ягича и др.), докладчикъ остановился на разсмотрѣніи списка полного перевода въ рукописи Ундольскаго, сравнительно со спискомъ Бѣлградскимъ (извлеченія Каченовскаго XIV кн. Стефанъ) и Вѣнскимъ (выписки М. П. Сперанскаго). Обыкновенно переводъ считаютъ сербскимъ, но во всѣхъ трехъ спискахъ много болгаризмовъ въ звукахъ, формахъ, образованіяхъ; окончательное рѣшеніе вопроса о языкѣ можетъ быть сдѣлано послѣ изученія всѣхъ дошедшихъ списковъ, тогда же рѣшится вопросъ, есть ли эти болгаризмы — признакъ болгарскаго перевода, или внесены они переписчиками болгарями въ сербскій переводъ. Докладчикъ отмѣтилъ, что переводъ сдѣланъ свободно и что стиль его народный. Лексическій запасъ перевода изобилуетъ грецизмами и рѣдкими словами, не встрѣчающимися у Миклошича и Срезневскаго. Среди такихъ словъ есть восточнаго происхожденія (фармусъ, кутія). При переводѣ библейскаго текста переводчикъ употреблялъ исключительныя слова: вм. греческаго *παῖδα γούρος* — вагюль; вм. хотимпца въ значеніи *παλλακίη* — подпѣга. Обратившись къ опредѣленію взаимнаго отношенія полного перевода и краткаго извлеченія Григорія, докладчикъ предположилъ, что найденная въ 1894 г. имъ на Аѳонѣ Зографская рукопись — полный списокъ, а Паралипоменонъ, изд. Бодянскимъ, — тотъ же трудъ, не вполне сохранившійся, и что сличеніе ихъ приводитъ къ выводу о полной зависимости передѣлки Григорія именно отъ этого перевода. Этими фактами вполне подтверждается предисловіе Григорія (изд. Бодянскаго): безъ греческаго оригинала Зонары онъ не могъ исправить недостатки перваго перевода. Его трудъ выразился въ сокращеніи и въ стремленіи къ большей близости къ греческому оригиналу (это зависитъ отъ принад-

лежности Григорія, судя по его предисловію, къ писателямъ изъ школы послѣдователей патр. Евѳимія). Если Бѣлградскій списокъ (напечатанный Каченовскимъ), дѣйствительно, не имѣетъ удареній, то можетъ быть Григорію принадлежитъ установленіе правописанія евѳиміевской школы, какъ въ спискахъ Ундольскаго и Вѣнскомъ и въ полномъ переводѣ Зонары. Въ этомъ и въ устраненіи народныхъ чертъ Григорій могъ видѣть свою задачу, какъ исправителя труда грубыхъ поселянъ. Дальнѣйшій трудъ изслѣдователя долженъ состоять въ томъ, насколько замѣтно въ передѣлкѣ Григорія вліяніе списка библіи, которымъ онъ пользовался, и Григорія Амартола. Этотъ трудъ будетъ возможенъ только по изученіи Зографскаго списка.

Въ заключеніе доклада было высказано пожеланіе, чтобы представляющіе большой интересъ славянскіе переводы византійскихъ лѣтописцевъ Амартола, Малалы, Зонары, Манассія, изданіе которыхъ замыслили Бодянской, Прейсъ, Куникъ, были возможно скорѣе изданы.

7. Б. В. Фармаковскій прочелъ свой докладъ: «Византійская рукопись съ миниатюрами, вновь пріобрѣтенная Русскимъ Археологическимъ Институтомъ въ Константинополѣ».

Референту возражалъ Н. И. Троицкій, который, не оспаривая мнѣнія референта о происхожденіи рукописи и признавая большое значеніе ея миниатюръ (въ особенности для исторіи монашескаго одѣянія), полагаетъ, что главная символическая миниатюра, представляющая передачу жезла посоха І. Предтечей святому отцу, а имъ своему преемнику, означаетъ не передачу власти, какъ полагаетъ референтъ (ибо Предтеча ни въ какомъ смыслѣ не былъ носителемъ и представителемъ власти), а указываетъ на преемство иноческаго житія — шествованія къ небу путемъ аскетическихъ подвиговъ и, такимъ образомъ, указываетъ на происхожденіе иночества отъ І. Предтечи, этого «ангела во плоти», а не отъ сектантовъ — есеевъ или ферапевтовъ или евіонитовъ.

8. Ю. А. Кулаковскій. «Къ исторіи Боспора (Керчи) въ XI—XII вѣкахъ».

Отмѣтивъ непрерывность исторіи города, начавшаго свою жизнь подъ именемъ Пантикапея, продолжавшаго ее подъ именемъ Боспора, которое онъ смѣнилъ на Корчевъ, откуда произошло нынѣшнее его имя Керчь, — докладчикъ остановился на частномъ вопросѣ, а именно: входилъ ли этотъ городъ въ предѣлы Тмутараканскаго княжества, явившагося однимъ изъ удѣловъ по смерти Владиміра Святого. Наша лѣтопись въ сообщеніяхъ о войнахъ и побѣдахъ Тмутараканскихъ князей называетъ лишь сѣверныхъ и восточныхъ сосѣдей княжества: Ясовъ, Касоговъ, Хазаръ, и не содержитъ ни одного упоминанія о Корчевѣ. Отмѣтивъ то обстоятельство, что рыбный промыселъ въ проливѣ является главнымъ жизненнымъ интересомъ того края, докладчикъ видѣлъ въ этомъ апріорное указаніе на необходимость соединенія обоихъ береговъ пролива подъ одной властью. Косвенное подтвержденіе того,

что Тмутараканскіе князья держали западный берегъ пролива подъ своей властью, докладчикъ признавалъ въ слѣдующихъ фактахъ. Интрига противъ князя Ростислава Владиміровича въ 1066 году, сгубившая его ядомъ, шла изъ Корсуня, и злой умыселъ на князя со стороны «кото-пана» объясняется въ лѣтописи, какъ опасеніе грековъ за свою свободу. Если бы Боспоръ находился тогда подъ греческой властью, то князь могъ бы имѣть враговъ и ближе къ себѣ. Далѣе текстъ знаменитой надписи князя Глѣба 1068 г., въ которомъ дано разстояніе по льду отъ Тмутараканя до Корчева, вызываетъ общее представленіе, что князь дѣйствовалъ въ предѣлахъ своего удѣла. Наконецъ, находка 1872 года, о которой было впервые доложено на прошломъ Кіевскомъ съѣздѣ, 25 лѣтъ тому назадъ, тогдашнимъ директоромъ Керченскаго музея, г. Люценко, — свинцовая печать, съ надписаніемъ «отъ Ратибора» (бывшаго посадникомъ въ Тмутаракани князя Всеволода въ 1078 году) сдѣлана была на западной сторонѣ пролива близъ Еникале. Хотя эта печать могла случайно попасть въ то мѣсто, но въ связи съ предшествующими указаніями ея мѣстонахожденіе какъ-бы является свидѣтельствомъ принадлежности этой территоріи къ предѣламъ Тмутараканскаго княжества. Послѣ 1094 года наша лѣтопись хранитъ полное молчаніе о Тмутаракани. Повидимому, эта территорія подпала подъ власть Византіи. Въ договорѣ императора Мануила съ Генуэзцами, заключенномъ въ 1169 г., Византія открываетъ Генуэзцамъ свободный доступъ во всѣ порты Чернаго моря кромѣ двухъ: Матраха (= Таматарха = Тмутаракань = Матрега итальянскихъ картъ) и *Ῥωσσία*. Проф. Васильевскій, соглашаясь съ Гейдомъ, искалъ этотъ второй портъ на устьяхъ Дона (русскій перевозъ, поминаемый Рубрукомъ). Брунъ отстаивалъ признаніе въ Россіи нынѣшней Керчи. Съ этимъ послѣднимъ толкованіемъ согласенъ докладчикъ. Ближайшее подтвержденіе отождествленію «Россіи» съ Боспоромъ можно встрѣтить у арабскаго географа Эдризиді, трудъ котораго составленъ въ Сициліи въ 1153 году и покоится на свѣдѣніяхъ, какія были въ ту пору въ оборотѣ у купцовъ, плававшихъ въ дальнія земли. Эдризиді знаетъ городъ *Rusia* въ 20 миляхъ къ западу отъ «Матрахи» (Таматарха), а въ другомъ мѣстѣ, гдѣ онъ слѣдитъ линію берега отъ Корсуня къ востоку, онъ поминаетъ «устье русской рѣки», какъ портъ, лежащій между Судакомъ (*Soltadia* = Сугдея) и Матрахой. (Уже у хрониста Теофана Керченскій проливъ является устьемъ рѣки Дона, и арабскій географъ унаслѣдовалъ это смѣшеніе). Такимъ образомъ, имя Русь осталось жить о боспорскомъ проливѣ въ ту пору, когда Византія наслѣдовала по какимъ то причинамъ власть русскихъ князей въ Тмутаракани. Вѣроятно къ этому времени византійскаго господства въ тѣхъ предѣлахъ слѣдуетъ приурочить свинцовую печать Аркадія «стратига Боспора», какъ указалъ на то покойный Васильевскій, вопреки изъясненію этой печати, какъ было предложено ея первымъ издателемъ и собственникомъ, Шлюмбергеромъ. Въ заключеніе докладчикъ отмѣтилъ возможность объяснить

недавно изданную печать Теофаніи «архонтисы Россіи» (*ἀρχοντίσση τῆς Ῥωσσίας*) изъ рода Музалоновъ (въ которой г. Лопаревъ призналъ жену многоскитальнаго князя Олега Святославича) тѣмъ, что западная часть Тмутараканскаго удѣла носила имя Россіи, какъ оно ей дано въ договорѣ императора Мануила съ Генуэзцами.

Двѣнадцатый интернаціональный конгрессъ ориенталистовъ въ Римѣ.

(3—15 октября 1899 г.)¹⁾.

Послѣдній международный конгрессъ ориенталистовъ состоялся въ Римѣ отъ 3—15 октября 1899 года. По значительному числу секцій и по количеству сдѣланныхъ въ нихъ докладовъ, это былъ одинъ изъ самыхъ большихъ и плодотворныхъ конгрессовъ. Весь конгрессъ состоялъ изъ двѣнадцати (въ 1897 г. лишь изъ семи) секцій, изъ которыхъ насъ интересуютъ XI секція: Греція-Востокъ (въ періоды византійской и мусульманской, а также въ связи съ ихъ отношеніями къ Италиі).

3 октября собрались члены конгресса въ громадномъ и богато убранномъ по этому случаю залѣ библіотеки Римскаго университета. Здѣсь открыто было первое предварительное общее засѣданіе конгрессистовъ президентомъ организаціоннаго комитета — извѣстнымъ заслуженнымъ профессоромъ санскритскаго языка графомъ Анджело-де-Губернатисъ (*De-Gubernatis*) и приступили къ выборамъ предсѣдателей отдѣльныхъ секцій. Предсѣдателями XI секціи были выбраны: К. Крумбахеръ (Мюнхенъ), Спиридонъ Ламбросъ (Аѳины), Иосифъ Стржиговскій (Граць), Тоцилеску (Бухарестъ) и наконецъ Цагарелли (С.-Петербургъ). Въ секретари для этой крайне тяжелой, въ виду многочисленности докладовъ, секціи были выбраны Г. Ботти (*Botti*), директоръ музея въ Александріи, и Вальери *Vagliari*), хранитель музея въ Римѣ. На слѣдующій день, 4 октября, состоялось торжественное открытіе конгресса ориенталистовъ въ громадномъ залѣ «*Ogiazii e Suriazii*» Капитолійскаго дворца.

Въ засѣданіяхъ XI секціи были сдѣланы слѣдующія сообщенія, касающіяся византиновѣдѣнія.

К. Крумбахеръ, по примѣру прежнихъ лѣтъ, сдѣлалъ сообщеніе «объ успѣхахъ византологіи за послѣдніе два года» — со времени предыдущаго конгресса ориенталистовъ въ Парижѣ въ 1897 году. Аѳинскій ученый Спиридонъ Ламбросъ и французскій ученый Э. Рейнакъ дѣлаютъ нѣкоторыя дополнителныя замѣтки къ докладу К. Крумбахера. Г. Ламбросъ между прочимъ даетъ нѣкоторыя объясненія по поводу открытой имъ же прозаической эпопеи Акриты, а также и относительно издаваемаго имъ второго тома каталога рукописей Аѳонскихъ монастырей, при чемъ указалъ на библіотеки нѣсколькихъ греческихъ монастырей, содержащія у себя неизвѣстныя до сихъ поръ рукописи.

1) См. XII-e Congrès International des Orientalistes №№ 1—24.